

Интервью с Яков Ильичем ГИЛИНСКИМ

«...Я НАЧИНАЛ КАК ЧИСТЫЙ УГОЛОВНИК...»

Гилинский Я. И. — окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. Основные области исследования: криминология и социология девиантного поведения. Интервью состоялось в 2005 году.

Прежде всего Яков Ильич Гилинский считает себя криминологом, но одновременно он — социолог девиантности и социального контроля. Его наибольшие достижения лежат в области пересечения этих наук, в исследовании преступности как разновидности девиантности. К ответам на мои вопросы Гилинским был приложен десятистраничный список его публикаций, увидевших свет в 1990–2004 годах. За полтора десятилетия им было опубликовано почти две с половиной сотни работ. Это ряд «толстых» монографий и учебников, а также — статьи и главы в коллективных изданиях. Значительная часть текстов вышла за рубежом, и первые буквы названий стран охватывают значительную часть алфавита: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Италия, Литва, Молдавия, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Эстония, Япония. И это не все.

Интервью проводилось по электронной почте, но диалог развивался весьма стремительно. Временами мне казалось, что между нами нет океана, что мы беседуем, сидя рядом.

Криминология и девиантология

Список твоих публикаций за последние полтора десятка лет впечатляет. Кто в России еще занимается столь же активно и продуктивно криминологией?

Конечно, я не единственный. По-прежнему много пишет академик Владимир Николаевич Кудрявцев, много публикуют профессора Виктор Васильевич Лунеев и Азалия Ивановна Долгова, прекрасным криминологом, особенно по преступности несовершеннолетних, является к.ю.н. Григорий Иосифович Забрянский, в Питере — проф. Дмитрий Анатольевич Шестаков. Другое дело, что я не знаю, кто больше меня публикуется за рубежом. У меня сегодня около 100 публикаций «на языках»: прежде всего — английском, далее, в порядке убывания, — немецкий, венгерский, польский, французский, итальянский, норвежский, и кроме того, работы на эстонском, латышском, литовском, украинском.

Криминологи не очень спешат сочетать свою профессиональную деятельность с девиантологией, т.е. социологией девиантности и социального контроля. Здесь я, пожалуй, «уникален». Обычно обо мне говорят как об «основоположнике» отечественной девиантологии. Кстати, сам этот термин введен в научный оборот мною. Сперва под усмешки коллег, включая зарубежных. Сегодня про девиантологию пишут отечественные социологи и психологи и уже не усмеваются зарубежные коллеги...

Вот здесь я попросил бы тебя рассказать подробнее и о криминологии, и о сути девиантологического подхода. Начнем с криминологии...

Для зарубежных коллег то, что я скажу, не открытие, но в России мои криминологические утверждения воспринимаются с большим трудом и часто с гневом отвергаются.

Преступность — понятие относительное, конвенциональное, социальный конструкт. Нет деяний (действий, бездействий), которые по своему содержанию, *sui generis*, *per se* были бы преступны. Так, умышленное лишение человека жизни может быть тяжким преступлением — убийством, или дозволенным действием, скажем, эвтаназия, когда она разрешена, или... подвигом — на войне.

Преступность — лишь вид девиантности, как более широкого понятия, охватывающего все виды поведения, не соответствующие установленным нормам права или неформально сложившимся социальным нормам (мораль, обычай, традиция) в данном обществе. Например, употребление алкоголя преступно в мусульманских странах, курение табака было преступно и каралось смертной казнью в средневековой Испании и т.п.

Нет и не может быть причины преступности и только преступности, ибо, как социальный конструкт, преступность имеет одну единственную «причину» — «конструктора», или законодателя. Отмени уголовный закон, и преступности не будет, хотя будут лишать жизни и имущества... «Преступность» в любом современном государстве охватывает столь разнородные деяния, что в принципе не может быть их единой причины. Объем деяний, признаваемых преступными, меняется от государства к государству, от одного времени к другому. А как быть с «причиной»? Это положение (отсутствие «причин» преступности) особенно неприемлемо для отечественной криминологии, ибо жизни потрачены на поиски «причин».

Существует множество факторов, в большей или меньшей степени влияющих

1 Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2– 12.

на объем, уровень, динамику преступности. Это факторы экономические, демографические, этнические, политические и несть им числа, включая, если верить А.Л. Чижевскому, — космические. Среди этих факторов, дотошно изучавшихся поколениями криминологов, все же можно выделить более существенные. К ним относится, с точки зрения марксистов, неомарксистов, «критической криминологии», Р. Мертона и многих других, включая меня, социально-экономическое неравенство. Оно порождает недовольство, зависть, злобу и — соответственно — различные виды преступлений и иных девиаций (наркотизм, пьянство, суицид), в т.ч. — позитивных — творчество. (Ибо одни под давлением обстоятельств воруют, другие — спиваются, а третьи — защищают диссертации!..) А поскольку социально-экономическое неравенство — «вечно» и выполняет прогрессивные функции (конкуренция, активность, творчество), постольку и негативные девиации, включая преступность — вечны.

Есть и другие значимые факторы. Например, за рубежом активно исследуются такие из них, как «гендер, возраст, раса, класс» (с огромным количеством эмпирических «подтверждений», но и без них известно: мужчины более «криминогенны», чем женщины; молодежь «криминогеннее» стариков; что же касается расы и класса, то это — смотря какие преступления и в какой стране).

Кроме того, я сторонник мультипарадигмальности в науке, включая криминологию, а также относительности всех знаний, к тому же очень люблю тезис хулигана в методологии Пола Фейерабенда: « Anything goes !», который можно трактовать как — «Все сгодится!».

Вопрос: Перейдем к девиантологии?

С моей точки зрения, девиантность — это социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям.

Исходным для понимания отклонений является понятие норма. В теории организации сложилось наиболее общее понимание нормы как пределов, меры допустимого. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Это — естественная, адаптивная норма, отражающая закономерности существования системы. Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. Социальные нормы складываются (конструируются) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается аномальной сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Принципиальным для меня является осознание относительности, релятивности социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе и в социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальны» или «девиантны» только с точки зрения сложившихся социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»).

Вся жизнь человека есть ни что иное, как онтологически нерасчлененный процесс

жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю « Marlboro », или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас». Так, бокал вина запрещен в мусульманских странах, а марихуана разрешена в Голландии. Поэтому когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм — не более. Кроме того, необходимо учитывать субкультурные различия внутри «большого» общества.

Свыше десяти лет назад ты мне объяснял диалектику позитивных и негативных девиаций. Не мог бы ты сейчас развить эту тему?

Действительно, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двоякое значение. Одни из них — позитивные — выполняют негэнтропийную функцию, служат средством развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это — социальное творчество во всех его ипостасях. Другие же — негативные — дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

В массовом сознании девиантность обычно связана с негативными явлениями, поступками. Само слово «девиантность» приобрело негативный оттенок. Так, один из зарубежных авторов писал, что олимпийских чемпионов, которые, конечно, не нормальные люди, никогда не назовут девиантами, ибо они ненормальны скорее «правильно», чем «неправильно».

Однако, во-первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов. Во-вторых, в каждом обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры, и то, что «нормально» для одной из них, — «девиантно» для другой или для общества в целом. В-третьих, «а судьи — кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность — негативность» социальных девиаций, равно как и «нормальность — аномальность»?

Мое представление о «нормальном», позитивном и негативном девиантном поведении позволило мне еще в 1970-е гг. выдвинуть гипотезу «баланса социальной активности», что, в свою очередь, позволяет предложить сокращение негативных девиаций за счет развития позитивных, или «канализировать» социальную активность в творчество.

Еще один сюжет из жизни девиаций. Мир устроен таким образом, что более или менее длительное существование тех или иных систем и процессов возможно лишь в случае их адаптивности и функциональности — выполнения определенных «ролей» в жизни других, более общих систем и процессов. При эволюционном отборе неадаптивные, нефункциональные системы, процессы, формы человеческой жизнедеятельности элиминируются. Сохраняющиеся же, очевидно, адаптивны, выполняют те или иные явные и/или латентные (Р. Мертон) функции. Так вот, «вечность» преступности, потребления наркотиков и алкоголя, проституции, коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях — творчестве, свидетельствует о том, что все существующие проявления девиантности — функциональны: несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или, как говорил Гегель, «все действительное разумно».

Наконец, самое главное: организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия», энтропия и негэнтропия дополнительны в понимании Н. Бора. Их сосуществование

неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы.

Термин «девиантология», введен мною для обозначения науки, изучающей девиантность и девиантное поведение, а также реакцию общества на них — социальный контроль. Достоинство этого названия — краткость. К тому же этот термин вполне отвечает принципу наименования научных дисциплин и отраслей науки по формуле: обозначение предмета + «логия». Девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания. В физике и химии отклонения именуются флуктуациями, в биологии — мутациями, на долю социологии и психологии выпали девиации. Существование каждой системы есть динамическое состояние, единство процессов сохранения и изменения. Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы природа» (Лукреций), и отсутствие девиаций системы означает ее не-существование, гибель.

что можно сказать о соподчиненности криминологии и девиантологии...?

...Девиантология как социология девиантности и социального контроля является отраслью социологии, одной из специальных (частных) социологических теорий. В свою очередь, с моей точки зрения, социология девиантности служит более общей теорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности: криминологии (наука о преступности), суицидологии (наука о самоубийствах и суицидальном поведении), «аддиктологии» (наука об аддикциях, пристрастиях, зависимостях — алкогольной, наркотической, табачной, игровой, компьютерной и др.), отчасти сексологии (наука о сексуальном поведении, включая «отклоняющееся» — перверсии), социологии творчества. Сразу оговорюсь — если в криминологии высказанная точка зрения достаточно распространена, то моя позиция в отношении суицидологии, «аддиктологии», сексологии и социологии творчества, несомненно, вызовет возражения. Но и российские коллеги-криминологи никак не могут со мной согласиться. Как это так? Криминология — не абсолютно самостоятельная наука, а часть какой-то другой?!

С момента перестройки ты, ранее «невыездной», побывал в десятках стран всех континентов. Не будет ошибкой считать, что ты принадлежишь к достаточно узкой группе криминологов, определяющих сегодня характер и направленность этого научного направления?

Я был *de facto* невыездной, никто официально мне это не заявлял, но и мои попытки поехать туристом в «капстрану», например, «вокруг Европы» не увенчались успехом; комиссия РК КПСС, обязательная в таких случаях, рекомендовала мне съездить по Волге. Но я ездил туристом в «соцстраны»: Болгарию, Чехословакию, Венгрию, Польшу и ГДР.

В России сохраняется несколько «школ», часто — по географическому принципу (Московская, Петербургская, Дальневосточная). Мне трудно давать оценки. Так, насколько я могу понять, москвичи — проф. А.И. Долгова и проф. Нинель Федоровна Кузнецова не слишком довольны развиваемыми мною взглядами... Из Петербургской школы ближе всего по взглядам и связям с зарубежьем я и проф. Шестаков. Вместе с профессором Милюковым мы учредили Санкт-Петербургский криминологический клуб; замечу, при личном взаимоуважении с ним мы являемся постоянными оппонентами. С 2002 года в Петербурге издается журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Начнем с начала

Мы вернемся к содержанию и результатам твоих исследований, а сейчас, пожалуйста, расскажи, как все началось. Как случилось, что при выборе профессии ты остановился на юриспруденции?

Со школьных времен я интересовался общими вопросами бытия — физического и социального. Но для первого необходимы были физические, а следовательно, математические способности, чем я не обладал. Поэтому довольно естественно я выбирал между философским и юридическим факультетами. Вообще меня больше тянуло на философский. Еще в школе прочитал Канта, Спинозу, древнегреческих философов, александровскую Историю философии (позднее разгромленную А.А. Ждановым) и многое другое. У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков «Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями? Но и юридический, как мне казалось, дает широкое гуманитарное образование, может помочь мне «определиться» с миром социального, зла и добра, к тому же это — «практическая» специальность. Потому еще в школе я прочитал вузовский учебник уголовного права и еще кое-что «правовое».

Но ведь я закончил 281 среднюю школу в 1952 г. Время «убийц в белых халатах» и «пятого пункта», а мой отец, Илья Яковлевич Гишинский, — и с «пятым пунктом», и в белом халате (врач-невропатолог и научный сотрудник института физиологии АН СССР, канд. мед. наук). Да и двоюродный дядя мой, нарком Гишинский [1], был расстрелян как «враг народа» в 1938 г. Я прекрасно понимал, что философского факультета Ленгосуниверситета им. А.А. Жданова мне не видать. С юрфаком ЛГУ были бы не меньшие сложности. Ведь бывший Ленинградский, ныне Санкт-Петербургский государственный университет — давно уже оплот власти, консерватизма, чтобы не сказать — реакции, во всяком случае, гуманитарные факультеты. И хотя я его потом окончил, случайно, и кандидатскую диссертацию защищал там же, но до защиты докторской не только не был допущен, но был предупрежден через третьи лица: «Не смей соваться!» Так что докторскую я защищал в Москве. Более того, я и сегодня персона нон грата для а lma mater... время летит, а времена не спешат меняться.

Как же тебе удалось развязать этот узел?

Была в 1952 г. одна «лазейка» для желающих стать юристом — Ленинградский юридический институт (ЛЮИ) им. М.И. Калинина. Это хоть и идеологический институт, но все же не университет, и я подал заявление в ЛЮИ. Конечно, на вступительных экзаменах со мной сделали, что надо. Мне задавали дополнительные вопросы до тех пор, пока я на какой-нибудь не мог ответить. На истории это случилось на четырнадцатом дополнительном вопросе, а на географии я показал не все места ссылок тов. Сталина... Этого было достаточно, чтобы я не прошел по конкурсу. Это — официально. Неофициально мне донесли — уже с тех пор, как опытный юрист, я знаю — без агентуры жить и работать нельзя — истинную формулировку: «Мало того, что еврей, так еще маскируется под русского»; по паспорту и всем анкетным данным я значился русским. Вот здесь требуется комментарий.

Самое смешное, что я не маскировался; евреи не считают меня своим. Моя мать — Редько Елена Львовна, не просто русская, а русско-украинка. Моя бабушка со стороны матери, урожденная Давыдова, принадлежала к довольно старому русскому роду (увы, связь с гусаром и поэтом Денисом Давыдовым не установлена). Ее отец — мой прадед — был аж старший егерь Его Императорского Величества и проживал с семьей под Пите-

ром в Мариенбурге, где были, как говорят, уголья царской охоты. Братья бабушки были частично «золотопогонниками», офицерами русской армии, а потому своевременно сбежали после Великого Октября. Лишь в хрущевскую «оттепель» выжившие члены семейства Давыдовых приезжали к нам в Ленинград — из Парижа, Югославии и других стран. Один из потомков «чешских» Давыдовых — мой сколькоитюродный брат Сергей Сергеевич Давыдов — профессор филологии, пушкинист, живущий сейчас в Канаде, несколько раз приезжал в Ленинград-Петербург на июньские празднования дня рождения Пушкина, пока его — брата, а не Пушкина, — не ограбили трое в масках, затолкнув в одну из «академических» квартир на Марсовом поле. С тех пор я виделся с Сергеем только в Тампере (Финляндия) на мировом конгрессе 2000 г. А отец матери, мой дед Лев Мефодиевич Редько — украинец, как говорят, из какого-то знатного рода. Во всяком случае, о двух моих двоюродных дедах — Мефодиевичах есть глава «Редьки» в воспоминаниях академика Е. Тарле, публиковавшихся еще в советские годы в журнале «Звезда». Один из «Редек» — Александр Мефодиевич — был архитектором, поэтом, переводчиком, похоронен в Петербурге на Волковском мемориальном кладбище, и его могила «охраняется государством».

Наши поколения воспитывались в духе незнания прошлого семей. Когда ты прикоснулся к истории твоей семьи? Твое знание этого прошлого как-то отразилось в твоём мировоззрении, поведении?

До «оттепели» дома никто никогда, разумеется, о «врагах народа», беглых «белых офицерах», егерях Его Величества и т.п. не говорил. Да и вообще, я родился в 1934 году, так что детство больше прошло в блокаде и выживании. Не помню, в какие точно послевоенные годы мать, тетка и бабушка получили письмо из лагеря под Нарвой от бабушкиного племянника, сына ее двоюродного брата, Сергея Давыдова и отца ранее упомянутого пушкиниста (минимум три поколения Давыдовых были Сергей Сергеевичи, поэтому в рассказе их очень трудно отдифференцировать...), который был арестован нашими войсками в Чехословакии за участие в какой-то студенческой «буржуазной» партии, осужден (от большого патриотизма он и другие родственники, эмигрировав в разные страны, сохранили российское гражданство), умирал от голода в нашем ГУЛАГе и от отчаяния решился написать моим родным по старому адресу, не надеясь, что мы еще там живем. Мать с теткой собрали все, что можно было в постблокадном Ленинграде и с двумя рюкзаками сухарей-лука-папирос поехали к нему в лагерь, благо это было недалеко от Ленинграда. Это был первый робкий прорыв к семейным «тайнам». Постепенно восстанавливалась более полная картина, хотя и сейчас я много не знаю.

Это все на мое мировоззрение, как мне кажется, особенно не повлияло. До противоречий в марксизме-ленинизме и даже до «чрезмерности» культа Сталина я дошел своим умом. Году в 1950 — 1951 я выразил удивление в своем дневнике, как это такой гениальный тов. Сталин не понимает, что чрезмерное и постоянное восхваление его вредит его репутации!... Зачем он это допускает? О, sancta simplicitas! Лишь много позже все домашние «картинки» дополнили страшную большую картину советского и более того — российского — бытия.

Я сбил тебя немного, ты хотел что-то добавить по «еврейскому вопросу»?

...Я воспитан в русской и европейской культуре. Но фамилия и, очевидно, внешность всю советскую эпоху мешали мне учиться, работать и жить. Вот еще два эпизода.

Будучи адвокатом в г. Тихвине Ленинградской области, я хотел работать в прокуратуре, и прокурор Тихвинского района И.П. Медведев, оставшись без зама, предложил мне эту должность. Я с радостью согласился. Но когда он направил на

меня представление со всеми документами в отдел кадров прокуратуры Ленобласти, оттуда (опять же по агентурным данным) пришел ответ: «Мы не можем засорять ряды прокуратуры». Знала бы начальница отдела кадров, что я буду засорять Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ в качестве профессора.

А вот и вторая иллюстрация. В 1969 г. меня, уже кандидата юридических наук, пригласили работать в социологическую лабораторию НИИКСИ ЛГУ, с чего, собственно, и началась моя социологическая карьера. На моем заявлении были все необходимые резолюции, включая визу проректора по науке. Но заведующий отделом кадров, нестигаемый защитник чистоты университета Сергей Иванович Катькало, приказа о моем зачислении на работу не отдавал. После вмешательства высоких университетских лиц меня пригласил к себе проректор по науке проф. Д.А. Керимов. «Говорят, у тебя отец еврей?» — спросил он. Я вынужден был чистосердечно признаться. «Ладно, что-нибудь придумаем», — задумчиво сказал Джангир Али-Аббасович и настоял на моем трудоустройстве. А вообще-то таких случаев было не счесть, но с менее удачным концом...

И все же, как ты получил юридическое образование?

Итак, в юридический институт я не попал. Без высшего образования себя не мыслил. Всеми правдами-неправдами поступил на заочное отделение географического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Проучился два курса, перешел на третий. Вождь всех времен и народов умер, фамилия стала играть относительно меньшую роль. И вот, телефонный звонок очередной «агентуры»: «Ты еще не раздумал к нам в юридический?» — «Нет конечно». — «Такого-то числа во столько-то тебя ждет Н.И. Бутин (директор ЛЮИ). Приходи, переведешься к нам». Я, честно говоря, послал моего собеседника очень далеко... Чтобы директор института ждал меня, неудачливого абитуриента двухгодичной давности! И все же меня убедили сходить. Беседа с Николаем Ивановичем Бутиным заслуживает специального рассказа. Но, опуская все подробности, — я оказался зачисленным на второй курс («Все досдашь, переведу на третий») ЛЮИ.

Я быстро отчислился из пединститута и... ЛЮИ ликвидировали вместе с Бутиным... На сей раз меня спасло чудо и советская бюрократия. Всех студентов института автоматически перевели на юридический факультет ЛГУ, а так как я по приказу уже был «студентом» института, то был переведен столь же автоматически в ЛГУ. А поскольку я не мог себе позволить отставать от сверстников, то я окончил университетский курс наук за три года. И в моем дипломе (с отличием) значится: «поступил в 1954 г., окончил в 1957 г.». Интересно, что до сих пор никто, ни один отдел кадров не поинтересовался — «как же так?» Ни одного дня я не жалел, что стал юристом. Базовое образование действительно оказалось неплохим, несмотря на всю советскую идеологизацию юриспруденции.

Пожалуйста, закончи линию с твоим философским призванием.

...Оно весьма частично материализовалось, во-первых, в моей первой (в начале 1960-х гг., еще до научных публикаций и кандидатской диссертации) рукописи «Критический диалектический и исторический материализм» (порядка 100 машинописных страниц). Это был советский период. Я был напичкан диалектикой и истматом. Более того, многое в марксизме (без ленинизма...) меня устраивало (да, пожалуй, и сейчас устраивает): и материализм, и диалектика, и материалистическое объяснение истории. Но: я уже тогда видел «дыры» и противоречия этой философии и решил их отрефлексировать в тексте с акцентом на «критический». Во-вторых, в моей статье 1995 г. «Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста» [2].

В-третьих, в ряде «танатологических» небольших статей [3]. В-четвертых, и, пожалуй, главное — в бесчисленных Заметках, Записках, Дневниках, Записных книжках, сегодня я заполняю 86-ю по счету. Конечно, это не профессионально, а профанно...

Первая профессия — «уголовник»

Диплом получен, а дальше что?

До семидесятых годов прошлого столетия я был в основном юристом, причем ярко выраженным уголовником. И не только по образованию (я специализировался в университете по уголовно-правовому циклу), научным интересам (моя кандидатская диссертация была по уголовному процессу, все публикации до 1971 г. — по уголовному процессу и уголовному праву), но и по практической работе. Я недолго был стажером прокуратуры, затем секретарем народного суда, а с 1958 г. свыше 10 лет — адвокатом, в основном защитником по уголовным делам. Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, неоднократно привлекался Минюстом РСФСР в качестве ревизора, имел «допуск» к ведению дел, подследственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисоветской пропаганде и агитации. И даже кандидатскую диссертацию защищал во время специально объявленного для этой цели перерыва в закрытом судебном заседании по делу об измене родине...

При этом меня не переставали интересовать проблемы причин преступности и преступлений, адекватности уголовно-правовых мер содеянному преступниками, целесообразности наказания как средства «борьбы» с преступностью, допустимости смертной казни как меры наказания. Этот мой интерес проявился и в кандидатской диссертации по уголовному процессу «Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса», защищенной в 1967 г. Первая глава получилась не процессуальная, а уголовно-правовая с элементами криминологии, науки, которую «мы не проходили» на юрфаке, ибо это была, конечно же, буржуазная лженаука... Поэтому, в частности, мой научный руководитель, процессуалист профессор Полина Соломоновна Элькинд, которой я безмерно благодарен за введение меня в науку, начиная с моей дипломной работы на юрфаке, посоветовала отдать первую главу на рецензию профессору Михаилу Давидовичу Шаргородскому (1904—1973) — главе ленинградской уголовно-правовой школы. Шаргородский одобрительно отнесся к моему опусу, а уж в остальной части диссертация была сугубо процессуальной.

Пока идеи девиантологии сидели в тебе в свернутом виде. Как и когда ты начал их осознавать?

В 1960-е годы я прочитал статьи Дона Мартиндэйла «Социальная дезорганизация: конфликт между нормативным и эмпирическим подходом» и А. Коэна «Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения» и, говоря словами Ч. Ломброзо, «как будто бы ясный свет озарил темную равнину до самого горизонта». Я начал думать о девиантном поведении и его корнях. Вообще надо сказать, что три книги зарубежных авторов «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (М., 1961), «Социология сегодня» (М., 1965) и «Социология преступности» (М., 1966) произвели на меня потрясающее впечатление. Я вдруг понял, что есть другая наука, есть совсем другой способ научного мышления, стиль изложения. Я понял, что вся наша советская наука крайне ограничена, что мы, «доценты с кандидатами», ничего, оказывается, не знаем о мировой науке в нашей области... Мы просто — малограмотны. Увы, и сегодня мне приходится это доказывать и объяснять при неодобрительном молчании многих российских коллег.

Публиковаться в те далекие годы было сложно даже маститым, а мне и подавно. Поэтому я использовал адвокатские возможности и писал статьи в адвокатские

сборники. И вот в сборнике, посвященном столетию В.И. Ленина, был опубликован мой текст «Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей» [4], в котором я рассматривал преступность как разновидность отклоняющегося поведения, предлагал различать позитивно и негативно отклоняющееся поведение и вообще на семи страницах нес для того времени крамолу. А затем последовали две мои статьи 1971 г. об отклоняющемся поведении уже в более солидных сборниках [5]. По понятным причинам я, вслед за переводчиками зарубежных авторов, использовал тогда словосочетание «отклоняющееся поведение», а не «девиантное», поскольку у всех еще были в памяти «борьба с космополитизмом» и за чистоту русского языка...

Определенной «вехой» приближения к социологии явилось и присутствие на какой-то конференции социологов. Помню выступления В. Ядова, А. Здравомыслова, О. Шкаратана.

До начала второй половины 1960-х ты оставался почти «чистым» юристом-«уголовником»? Ты не помнишь, как начали завязываться твои отношения с социологами?

Социология интересовала меня именно как общая теория общества (так, до этого я читал, насколько мне это было доступно, Н. Бора, А. Эйнштейна и о них, выискивая общую теорию мироздания). На меня произвела впечатление книга И. Кона «Социология личности». Очутившись в 1969 г. в НИИКСИ, я продолжил — теперь уже «профессионально» — поглощать доступную социологическую литературу и общаться с «доступными» мне тогда социологами В. Ядовым, В. Ельмеевым, В. Лисовским, С. Иконниковой и др. С Ядовым я познакомился, точнее, впервые его слушал, в 1968 г. в НИИ вечерних (сменных) и заочных средних школ АПН СССР, где работала его жена Людмила Николаевна Лесохина, которая, очевидно, и затащила В.А. на встречу-лекцию.

Работая в социологической лаборатории НИИКСИ, я сосредоточился на социологии преступности, иных девиаций, социального контроля. Этим можно было заниматься под «крышей» социально-экономического планирования — темы, одобренной ОК КПСС... Так, проводя эмпирические исследования в г. Орле под социально-экономическое планирование по заданию лично первого секретаря Орловского ГК (или ОК) КПСС т. Иванова, я получил высокое «добро» на изучение материалов о самоубийствах, уголовной статистики (святая святых тогдашнего времени) и даже на опрос заключенных в четырех колониях Орла и Орловской области [6].

Во второй половине 1960-х все сошлось: многодесятилетний поиск наиболее общих причин, закономерностей, сути социального бытия; десятилетний практический опыт адвоката по уголовным делам (чего только я не навидался, наслушался!); ненавязчивое подталкивание к науке проф. Элькинд; чтение зарубежной криминологической и социологической литературы; приглашение на работу в социологическую лабораторию НИИКСИ ЛГУ, из которого, как из гоголевской «Шинели», вышли очень многие из нас: Л. Спиридонов, П. Лебедев, Ю. Суслов, Р. Могилевский, А. Шаров, В. Лисовский, кстати, все — юристы по образованию.

Вспомним коллег-друзей

Из всех названных тобою ученых я не был знаком лишь со Львом Ивановичем Спиридоновым, хотя слышал, что он был очень глубоким аналитиком. Что ты мог бы сказать о нем?

Лев Иванович Спиридонов (1929—1999) [7], сын расстрелянного «врага народа» (1938), мать была осуждена к 10 годам лишения свободы. Оба реабилитированы в 1990-е гг. Л.И. всю блокаду жил в Ленинграде, работал водопроводчиком.

С 1948 г. по 1952 г. учился в ЛЮИ им. Калинина, очевидно, тоже не рассчитывая на ЛГУ. Будучи студентом, «терроризировал» преподавателей Гегелем. Его послали к проф. С.И. Аскназию, который, переговорив с этим студентом, начал дважды в неделю заниматься с ним у себя дома... ЛИС до последних дней жизни ходил на могилу Учителя. За студенческий реферат был удостоен первой премии ЦК ВЛКСМ. Гегельянец-марксист (не вульгарный!), ЛИС был талантливым диалектиком. Окончив Институт с отличием, долго не мог устроиться на работу (сын врага народа). Затем — адвокат Ленинградской областной коллегии адвокатов — убежища «неблагонадежных». В 1966 г. защищает кандидатскую диссертацию и поступает на работу в НИИКСИ при ЛГУ научным сотрудником. Затем Л.И. стал заведующим лабораторией, и это позволило ему перетащить меня к нему в лабораторию в 1969 г. [8].

Лев был теоретиком права, социологом права и криминологом [9], это был блестящий человек, полемист. Он во многом помог мне, начиная с трудоустройства, и способствовал «лаконизации» моих толстовских периодов. Правда, он косо поглядывал на мое увлечение девиантностью. Что за сим стояло, трудно сказать... Во всяком случае, он, разумеется, не мешал мне. Наше творческое «трио»: Спиридонов, Гишинский, Лебедев, переходящее в «квартет», четвертым был Э. Фомин — лучшие годы творчества, скрепленные декалитрами кофе.

В 1975 г. по приглашению нач. Академии МВД СССР генерала С.М. Крылова (надеюсь, я не переврал инициалы этого талантливого организатора науки, затравленного позднее кликой Чурбанова и застрелившегося в своем рабочем кабинете, одев парадную форму) ЛИС переезжает в Москву, создав и возглавив первую в стране кафедру уголовной политики и уголовного права. В 1978 г. ЛИС возвращается в Ленинград, последовательно возглавляет кафедры Высших курсов штабных работников МВД СССР, затем ленинградского факультета Московской ВШ МВД СССР, ленинградского филиала Академии МВД СССР, СПб Высшей школы МВД РФ.

В последний год-два жизни ЛИС «заболел» новой, как он сам говорил, последней книгой. Он критически и пессимистически относился к происходящему в науке и стране. Свою книгу «Теория государства и права» подарил мне в день моего рождения (16.06.1995) с дарственной надписью: «Яшеньке в память об осколках разбитого вдребезги». В последней, так и недописанной книге (фрагменты опубликованы посмертно) [10], ЛИС хотел сказать «все, что думал о науке». Он успел написать: «1. Юридическая наука как таковая отсутствует. То, что сегодня именуется наукой, не отвечает требованиям научности. 2. Сама “наука”, будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала. 3. Современная юридическая наука — рассуждения сугубо субъективные тех, кто считает себя учеными юристами...» [11]. И, наконец, я полностью согласен с ЛИС: «Из того факта, что то или иное государство — г..., следует лишь то, что таким же г... является и оформленное государством общество» [12].

Можно тебя попросить немного добавить о П.Н. Лебедеве и Э.А. Фомине?

Оба закончили юрфак. Павел Николаевич Лебедев (1937—1993) работал в социологической лаборатории НИИКСИ, Эдуард Афанасьевич Фомин (1939—2002) — юридической. Но оба входили в круг Спиридонов—Гишинский. Оба с прекрасными человеческими качествами, доброжелательные, отзывчивые, верные друзья.

Паша (Лебедев) был удивительный человек. Талантливый ученый со лбом мыслителя. До очень ранней, преждевременной смерти — в чем-то наивен, как ребенок. Смех напоминал среднее между сдвоенной ухмылкой и легким ржанием. Любил рассказывать анекдоты. До рассказа посмеивался. В середине рассказа начинал безудержно смеяться. Отсмеявшись, удивленно смотрел на слушателей: «А дальше я не

помню, что». Тогда грохали от смеха слушатели.

Наш первый этап совместной работы в НИИКСИ отмечен статьями Спиридонова, Лебедева, Гилинского по проблемам социализации [13]. Второй этап — множество совместных работ по социально-экономическому планированию. С 1989 г. я и Паша «воссоединились» в Социологическом институте АН СССР.

Потрясающе невезуч. Когда-то студентом на юрфаке в стенгазете напечатал что-то с намеком на диссидентство. Газету сорвали и... запомнили на всю советскую жизнь. Долго не давали защитить кандидатскую диссертацию. Накануне защиты выяснилось, что у Паши не сдан кандидатский экзамен по специальности. Пошел срочно сдавать и... получил двойку за вопрос по диссертации, уже полностью написанной и рекомендуемой к защите. Кажется, Л. Спиридонов сумел организовать пересдачу.

У меня дома хранятся три различных автореферата его докторских диссертаций. К тому времени Паша — автор фундаментальных работ, включая пару монографий. Дважды в последний момент ему срывали защиту: тема не та, не по тому совету, не по той специальности и т.п. Он решил докторскую не защищать. Мы уломали, уговорили его. Наконец, назначен день защиты третьей докторской диссертации. Подходим к зданию на Менделеевской линии, философский факультет ЛГУ. Нас не пускает вахтер: все отменено, электричество отключено, никого в здании нет. Пробились на факультет, идем по совершенно темному коридору, дело было вечером зимой, где-то тускло маячит свет. Это собирается диссертационный совет, всю защиту работавший... при свечах. «Паша, это только с тобой такое может быть» — не сговариваясь, говорили мы. И смерть его была глупая, ранняя, бессмысленная. Положили в больницу готовить к операции на сердце, а это была язва желудка, началось бурное кровотечение, сделали удачную операцию и... угробили в реанимации, не обеспечив требуемый послеоперационный уход.

Эдик Фомин был блестящим исследователем, теоретиком по складу ума и эмпириком по необходимости. У него очень много эмпирических исследований. Я хорошо знаю его ранние работы по правосознанию и эффективности права, но позднее мы пахали разные предметные поля. Во всех проектах он был «рабочей лошадкой», а потому нередко «эксплуатируемым» коллегами. Необычайная требовательность к себе, выполняемым работам, убеждение, что «еще над этим надо поработать», привели к тому, что он так и остался неостепененным. Это судьба многих ярких ученых...

Снова о криминологии и девиантологии

К концу 1960-х ты был сложившимся «уголовником», опытным юристом, кандидатом наук. Ты мог, например, будучи адвокатом, иметь стабильную, уважаемую и очень хлебную работу. Какие такие пассионарные токи толкнули тебя в неизвестность криминологии?

Ну, во-первых, именно пассионарные токи — меня наука, теория всегда интересовали больше практики. Кстати, маленькая деталь. Моя докторская диссертация по криминологии была с грифом «ДСП» и в значительной эмпирической части основывалась на закрытых — в то время — материалах; были и публикации с грифами «Секретно» и «Для служебного пользования». Свыше полутора лет диссертация лежала без движения в Академии МВД СССР, поскольку министра МВД Н.А. Щелокова сменил В.В. Федорчук, который, по признанию (за рюмкой чая...) одного полковника из его окружения «испытывал патологическую ненависть к науке». И наряду с моей еще несколько докторских диссертаций Совет Академии боялся назначать к защите!.. Тогда я постучался в докторский совет Института государства и права АН СССР, который возглавлял академик В.Н. Кудрявцев. Он дал «добро», но сказал, что их совет не любит закрытых диссертаций и посоветовал мою «открыть», убрав все «закрытое».

Но ведь там так много интересных эмпирических данных, взмолился я. «Зачем вам они, — сказал Владимир Николаевич, — вы же — теоретик». Пришлось с ним согласиться...

Во-вторых, насчет «очень хлебной работы». Не было ее у меня! Я никогда не умел зарабатывать деньги, я стеснялся брать деньги, даже честно заработанные. У меня был крайне низкий заработок адвоката, строго по «таксе» (3 руб. за совет, 5 руб. за заявление, 25 руб. за уголовное дело и т.п.). Не буду ханжой и лицемером: конечно, мне иногда оставляли на столе 5—10 рублей; это не опечатка. Я дважды получил сверх таксы (я думаю, за давностью я не подлежу сейчас за это чистосердечное признание уголовной ответственности) огромную для меня сумму 50 рублей (не опечатка): первый раз — за спасение от смертной казни за убийство, которая была заменена 10 годами лишения свободы, и второй раз — за оставление на свободе, замена реального лишения свободы условным, лица, обвинявшегося в крупном хищении.

Мне не кажется исчерпывающим объяснение начала твоих поисков в области девиантного поведения тем, что в 1960-е годы ты прочел ряд статей и книг. Названные тобою сборники читали многие, но они не пришли к идеям девиантности. Их читал и Л.И. Спиридонов, но он не стал «девиантологом». Где корни девиантологии? Может, то было проявлением «внутреннего зрения», «озарением»?

В 1926 г. Михаил Николаевич Гернет (1874—1953) писал: не надо искать тысячи причин преступности. Есть всего лишь одна причина — «весь социально-экономический строй». Прав был Гернет? Да, конечно. И — конечно, нет. Ибо «весь социально-экономический строй» порождает все социальные феномены, а не только преступность и даже не только девиантность в целом.

Вот так же и с моим приходом к девиантологии. Есть одна общая причина — «Я», точнее, «девиантность во мне» или «я — девиант». Мне с детства были противны серость, одинаковость, «мещанство», «филистерство» и т.д., и т.п., и проч. Я ведь до переводных социологий читал киников, Ницше и др. Ведь с детства «Я отрицаю все, и в этом суть моя». Кстати, конечно же, не только специальная литература — философская, социологическая, криминологическая — «воспитывала» меня, но и художественная, а следовательно, и Гете, и Фейхтвангер, и Хемингуэй, и несть им числа. Еще одно «кстати»: в числе моих наипервейших «научных» работ (рукописей) был не только «Критический диалектический и исторический материализм», но и «Об уничтожении семьи, частной собственности и государства» — разумеется, как реакция на энгельсовское «О происхождении...». Девиантное, анархистское, ницшеанское, отрицающее всегда бродило во мне. Почему? Тайна сия велика есть.

Ты, конечно, хитрец большой, хочешь, чтобы я открыл секрет творчества. Поступай ко мне в аспиранты, я ищу такого, по позитивным девиациям.

Я, атеист, который под влиянием агрессивности нашей РПЦ скоро станет «воинствующим безбожником», и не верю в божественное откровение. Но то, что творчество человеческое содержит какой-то инсайт, «откровение», «озарение», — ясно.

Еще одно «кстати»: может я потому («дьявольскому», мефистофельскому, сидящему во мне) и уголовщину как профессию выбрал, а не какую-нибудь почтенную филологию. Читать-то я с детства любил, научился «самостоятельно» к 4,5 годам и далее не расставался с книжками. В годы блокады читали вечерами при «коптилке».

Немного яснее, но что к чему достраивалось?

Исторически, по времени я не столько криминологию достраивал до девиантологии, сколько криминологию вписывал в девиантологию. Мои первые статьи по девиантности появились в 1969—1971 гг., но думал об этом я несколько раньше. Монография под докторскую по криминологии была написана в 1983,

издавать ТАКОЕ до перестройки никто бы не стал, и я ее депонировал в ИНИОНе в январе 1984 г. Здесь я в наиболее сформировавшемся, диссертательном виде обосновывал преступность как вид девиантности, а, следовательно, криминологию как элемент социологии девиантности. Опять же все это связано с моей изначально общей философской позицией — от общего к частному. Кроме того, замечу, в ЛГУ я не был испорчен университетской криминологией. Мы ее, как буржуазную лженауку, не изучали. Я — профессор криминологии без криминологического образования.

Исследования и политика

Ты был членом КПСС? Состоишь ли сейчас в какой-либо партии?

Был, и еще как долго! Да еще бывал и зам. секретаря партбюро по... идеологии (в НИИКСИ).

Я вступил в КПСС в марте 1962 г. в г. Тихвине. Для того было два повода: идеологический: «оттепель» Хрущева, Сталин и его злодеяния разоблачены, и партии нужны честные, молодые, энергичные люди! И таких молодых идиотов тогда было немало... и прагматический: я собирался перейти из адвокатуры в прокуратуру, замом прокурора Тихвинского района, для этого членство было нелишнее... Свой идиотизм я осознал с наступлением «застоя», но выходить из партии было уже смерти подобно. А я, увы, не герой. Вышел я из КПСС в июне 1990 г., еще до ГКЧП, а после него был замом А.Ю. Сунгурова — председателя комиссии по расследованию преступной деятельности КПСС и брал Смольный...

Вступить... можно раз в жизни... Больше не вступал... Но если бы вступил, то все же в «Яблоко» — при всей его сегодняшней импотенции.

Правда, несколько лет я был членом «Радикальной партии» (1991–1995, 2000 гг., членство в ней ежегодно подтверждается, и я не всегда это делал). Есть такая партия! Транснациональная, надпартийная, антиавторитарная, ненасильственная, антипрогибиционистская, гандианская, либертарианская, etc. Штаб-квартира в Риме. Я несколько раз был на ее конгрессах в Риме, выступал на них за легализацию наркотиков, проституции, против смертной казни и т.п. В 1993 г. я был с ними в Брюсселе, выступал в Европарламенте за отмену смертной казни во всем мире к 2000 г., в составе россиян был и Анатолий Приставкин, который несколько раз звал меня в Москву в свою комиссию по помилованию... С радикалами же я во время балканских войн ездил в Загреб, под бомбежками (пустяки по сравнению с блокадой Ленинграда) «мирить» хорватов с сербами... Я и сейчас изредка поддерживаю те или иные акции радикалов, правда, письменно, не выходя «на улицу».

Социология, криминология и власть — тема бесконечная. Но как бы ты прокомментировал ее в самом общем виде?

В позднее советское время власть «востребовала» социологов и криминологов постольку, поскольку их исследования могли «научно обосновать» достоинства системы или отметить «некоторые отдельные недостатки» и пути их устранения. Тем более что после Хрущева, да и при Брежневе партийным бонзам было «модно», «престижно» милостиво привлекать науку. Пара примеров. ЦК КПСС одобрил Ленинградский почин и опыт социально-экономического планирования, сразу посыпались заявки. С одной стороны, это позволяло нам проводить эмпирические исследования, проверяя наши теоретические гипотезы. С другой стороны, не обходилось без анекдотов. Так, руководитель Орловской парторганизации, прочитав прогноз наших коллег из экономической лаборатории НИИКСИ, улыбаясь, поменял знак с «—» на «+» в прогнозируемых 8% спада производительности труда... Другой пример. По просьбе отдела пропаганды и агитации Ленинградского ОК КПСС я представил

тренд преступности за продолжительный период времени, да еще с разбивкой по районам города. Через пару недель инструктор ОК, посмеиваясь, завел меня в кабинет заведомо и продемонстрировал мои данные, превращенные в большую «простыню», вывешенную на стене кабинета. «Начальник очень гордится этим, отмечает изменения по районам и всем показывает», — сказал инструктор. Когда же я спустя несколько месяцев оказался в штабе ГУВД, меня чуть не «съели» сотрудники штаба: «Так вот тот Гишинский, из-за которого нам каждый месяц надо давать сводку о преступности в ОК КПСС!» Конечно, сменился зав. отделом, и о моих данных все забыли... Участвовали мы все и в написании докладов первым лицам города, а то и страны.

Никакого реального толку от взаимодействия власти и нашей науки почти не было, за исключением научного прикрытия властных деяний.

Намного сложнее ситуация времен перестройки и в настоящее время.

Первый постсоветский этап. Конечно, горбачевская перестройка открыла невиданные возможности для проведения исследований, написания и публикации их результатов, поездок за границу и приезда зарубежных коллег к нам. Итак: все можно, но неизвестно, нужно ли.

Второй постсоветский этап. Финансирование работ ухудшалось, а главное — результаты наших исследований никому не были нужны. Лично я, по просьбе сперва Ленсовета, потом Петросовета, затем мэрии Петербурга, представлял аналитические справки о преступности, ее динамике, прогнозах и т.п. Затем выяснялось, что либо их никто не видел где они — неизвестно, либо — в одном случае — я их нашел... в монографии под докторскую диссертацию одного из руководителей служб, разумеется, без ссылки на авторство. Результаты наших исследований по преступности, наркотизму, детской проституции мы всегда предоставляли соответствующим ведомствам города без какого бы то ни было отклика (только один раз из прокуратуры области к нам позвонили с требованием... представить адреса наших респондентов. Пришлось ответить отказом). Со временем я прямо отказался работать, да еще и бесплатно, в составе очередной комиссии по разработке очередного бессмысленного «Плана борьбы с преступностью», заявив, что после всего ранее имевшего место мне это запаadlo. Более того, как мой личный опыт, так и опыт коллег — криминологов показал, что властными структурами принимаются решения, прямо противоречащие рекомендациям, которые мы обоснованно представляем. Итак, наши исследования не востребованы (разумеется, я не говорю об электоральных и маркетинговых исследованиях, к которым не имею никакого отношения).

Третий — современный — постсоветский этап. Мы не просто не востребованы, нам все сложнее и сложнее работать. Статистика становится недоступной. Проводить исследования, требующие разрешения ГУВД, ГУИНа, иных «спецслужб», становится все сложнее, а сами представители «органов» — все закрытее. Один пример. С 1993—1995 гг. мы проводим исследования организованной преступности. До конца 1990-х мне не представляло сложности брать интервью, устраивать совместные семинары с представителями не только милицеских служб по борьбе с оргпреступностью, но и с ФСБ. Свидетельством тому служит сборник статей [14], среди авторов которого два сотрудника ФСБ, зам. начальника РУБОПа, сотрудница ГУВД. В 1999 г. с теми же целями я не мог добиться встречи с руководителями РУБОПа, в 2000 г. со мной согласился побеседовать сотрудник ФСБ на условиях полной анонимности, нераскрытия его ФИО, должности, звания. Беседа происходила... в кафе, так как от встречи у себя или у меня на работе этот офицер отказался. В 2004 г. я не смог добиться даже этого.

Более того, очевидная шпиономания не может не коснуться и нас... мы все сегодня «под подозрением». И последний пример. Если до 1999 г. все интервью

со мной публиковались в прессе, то с 1999 г. большинство моих интервью, по наивности востребованных журналистами, не публикуются, а журналисты, извиняясь, разводят руками: «Редактор не разрешил...» Получается, ничего не надо и даже вредно...

Ты побывал во многих странах и не только обменивался мнениями со своими коллегами, но — ты мне рассказывал — посещал тюрьмы, изучал деятельность правозащитных организаций. Не мог бы ты рассказать немного о взаимодействии исследователей-криминологов и властных структур на Западе?

Сначала — для определения «репрезентативности» моих суждений — кратко о том, где я побывал. Это почти все страны Европы (за исключением «крайних» — Исландии и Греции), США, Чили, Бразилия, Австралия и Новая Зеландия, Япония, Корея, Таиланд. Во многих странах я бывал по многу раз, в Германии в общей сложности прожил больше года, работая, в частности, в прекрасной «криминальной» библиотеке Института зарубежного и международного уголовного права (Max - Planck - Institut für ausländisches und internationales Strafrecht). Старался я, где было возможно, посетить тюрьмы: Нью-Йорк и Блумингтон в США, Фрайбург в Германии, Хельсинки и Турку в Финляндии, Будапешт, Дублин, Сеул, Варшава и Белосток в Польше...

И все же я не могу себя считать «экспертом» по взаимоотношению криминологов и власти за рубежом. Ну, прежде всего, власть не мешает проведению любых исследований, что уже прекрасно. Во-вторых, насколько я себе представляю, власть заинтересована во многих исследованиях и стимулирует или предоставляет возможность для их проведения. Достаточно сказать, что в США, Великобритании и ряде других стран проводятся обязательные виктимологические исследования (массовый репрезентативный опрос населения в целях выявления реальных жертв преступления, а, следовательно, и самих преступлений). Так, публикуемые данные американского национального виктимологического опроса (NCVS — National Crime Victimization Survey) дополняют также публикуемые статистические сведения ФБР (UCR — Uniform Crime Report). А официоз Великобритании — Home Office — издает множество бюллетеней о преступности, включая ежегодные сравнительные данные о преступности, полиции, заключенных по всем странам Европы и ряду других стран (Австралия, Канада, США, Южная Африка, Япония). Этот сравнительный криминологический анализ осуществляется группой криминологов под руководством профессора Гордона Барклей (Gordon Barclay), который любезно пересылает мне этот бюллетень (International Comparisons of Criminal Justice Statistics).

Немогу не упомянуть периодически проводимые в разных странах международные конференции аболиционистов (сторонников отмены тюремного заключения, не говоря уже о безусловной отмене смертной казни). Эмблема этого международного сообщества — символическая тюремная решетка, перечеркнутая, как запрещающий знак. Иногда я надеваю этот значок, читая лекции студентам на соответствующие темы. Я был на аболиционистских конференциях в США, Испании и Новой Зеландии. Что меня поразило еще в США: наряду с учеными и правозащитниками, за восстановительное производство (restorative justice), альтернативное уголовному с его наказанием, выступали многие судьи и прокуроры, делясь своей практикой! А в Новой Зеландии нам была предоставлена возможность съездить на день в деревню маори — коренного населения страны, где традиционно все конфликты, включая уголовные преступления, решаются «мирным путем» — соглашением виновного и потерпевшего при посредничестве деревенских авторитетов (не путать с нашими «авторитетами» уголовного мира). В числе активных участников и организаторов аболиционистского движения — криминологи с мировым именем: профессора Нильс Кристи (Норвегия), Харольд Пепински (США), Моника Платек (Польша), Лук Хулсман (Нидерланды), Рут Моррис (Канада). И, пожалуй, последнее.

Только что упомянутый Нильс Кристи — большой друг России, неоднократно бывавший у нас, содействует многочисленным проектам оказания помощи «униженным и оскорбленным». Доказывая теоретически относительность, конвенциональность преступности, «нормы» и «отклонений» [15], Кристи участвует в организации и деятельности т.н. «норвежских деревень» для лиц с психическими «отклонениями». Он помог мне и моей жене посетить эти «сообщества необычных людей» (таков подзаголовок одной из книг Нильса, переведенных на русский язык). Мы побывали (пожили) в деревнях Видарозен и Хогганвик, познакомились с их обитателями и самоотверженной Маргит Энгель, врачом-психиатром, которая в весьма преклонном возрасте переносит опыт таких «норвежских деревень» для психически больных людей не только в другие страны Европы, но и в Россию.

Бывал я не раз и в деревне «Светлана», созданной в Ленинградской области от начала до конца с помощью госпожи Энгель — «бабушки», как она называет себя по-русски — и ее интернациональных помощников. В этих деревнях начинаешь еще лучше понимать относительность «нормы» и «аномалии», психической и социальной.

Изучение правосознания и общественного мнения

Джордж Гэллуп начал изучать отношение американцев к приобретению и хранению дома оружия, к смертной казни в конце 1930-х годов, и с тех пор в США осуществляется широкий мониторинг правового сознания. Есть что-либо подобное в России?

О мониторинге я бы помолчал. Но отдельные вопросы по правосознанию, отношению населения к смертной казни или к наркоманам, к судебной практике или к проституции, к деятельности милиции или к мигрантам изучаются. Ты лучше меня знаешь подобные опросы, проводимые центрами изучения общественного мнения в Петербурге и Москве. Что касается нашего Центра девиантологии (сектор социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН), то мы с конца 80-х гг. минувшего столетия неоднократно проводили такие опросы. Общая тенденция в сравнении за ряд лет — снижение ригоризма в годы «перестройки» и резкое возрастание — в «постперестроечный» период. Если в 1989 г. среди ленинградцев за смертную казнь был 51% опрошенных, против — 38% (остальные затруднились ответить), то в 1992 г. петербуржцы высказались за смертную казнь — 67%, против — 22%. В 1999–2002 гг. мы совместно с группой профессора Ирины Ильиничны Елисеевой проводили ежегодно опрос населения Петербурга (а в 2001 г. также Волгограда и Боровичей) об их отношении к деятельности милиции. Результаты наших опросов опубликованы в России и за рубежом.

Что можно сказать об информированности, компетентности, нравственной окрашенности российского общественного мнения по проблемам, изучаемым криминологией?

Ничего хорошего. Крайне низкий уровень правосознания (впрочем, это традиционно для России), некомпетентность, высочайший ригоризм: сажать, стрелять, усиливать борьбу со всеми — преступниками, наркоманами, гомосексуалистами и проститутками, ксенофобия. И это — не самые «отсталые» граждане. Помню подготовленное петербургским известным писателем «открытое письмо» президенту (еще Ельцину) с просьбой «стрелять на месте» в «очевидных» преступников... Конечно, это не означает, что нет людей, достаточно узкого слоя, выступающих и против смертной казни, и против политики власти в Чечне, и за человеческое, милосердное отношение к различного рода «грешникам».

Самое страшное — высочайший ригоризм и репрессивность сознания властной «элиты». Напомню: путинское «мочить в сортире», требование бывшего спикера

Думы ввести каторжные работы, на которых «осужденные каждый день молили бы о смерти», бесноватые вопли руководителей Генеральной прокуратуры с преступным (ст.ст. 33, 206 УК РФ — подстрекательство к захвату заложников) предложением Генерального прокурора... Я уже не говорю о постоянной пыточной практике милиции, не встречающей никакого серьезного осуждения руководства, прокуратуры, власти. Последним страшным примером «нравственной окрашенности» служит прошлогоднее декабрьское четырехдневное избиение сотен людей ОМОНОм в Башкирии при попустительстве МВД РФ. Население всячески поддерживает цензуру в СМИ. Кроме того, еще и раздуваемый антисемитизм. Напомню совсем недавние: письмо пятисот, включая 20 депутатов Думы, Генеральному прокурору с просьбой закрыть все еврейские организации и учреждения, а также публичные призывы соответствующего содержания генерала Макашева в телевизионной передаче «К барьеру» с «убедительной победой» в шесть тысяч голосов телезрителей.

«Я — шестидесятник по умунастроению»

В современной российской социологии работает несколько поколений исследователей. Ряд тех, кто родился в конце 1920-х годов, называют себя «шестидесятниками». Ты моложе их на полдесятилетия, относишь ли ты себя к этой группе?

Ты прав лишь отчасти, разделив родившихся в конце 1920-х и меня чертой «шестидесятники». Да, Ядов, Здравомыслов, Фирсов раньше меня стали знамениты в кругу социологов. И это — вполне заслуженно. С другой стороны, я ведь начал «печататься» с 1966 г.: пусть это была чепуха, наивно, узко уголовно. В конце 1960-х — начале 1970-х появились мои статьи об отклоняющемся поведении, т.е. были заложены предпосылки моей девиантологии. В 1967 г. я защитил кандидатскую, в 1970-е гг. опубликовал серию «социологических» статей (социализация, социальное время и др.). К этим же годам относятся мои криминологические статьи. В 1977 г. выходит наша с ЛИС и соавторами монография «Человек как объект социологических исследований». В 1970-е же годы выходит серия статей по самоубийствам, а в 1983 г. — монография «под докторскую» со всеми идеями, развиваемыми до сегодняшнего дня.

Всего до перестройки у меня опубликовано свыше 70 работ. Многие из них — тезисы и прочее барахло, но есть и основа всех моих более поздних работ. Так что я считаю (может быть излишне самонадеянно) себя шестидесятником.

Более того, в 1975 г. я удостоился обвинений коллег-криминологов во всех смертных идеологических грехах. Так, в статье заместителя директора ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР профессора В.К. Звирбуля говорилось, что Гишинский «неожиданно оказался в плену некоторых идей, господствующих в буржуазной криминологии... Нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей... имеющих чуждую нам идеологическую окраску» [16]. Я полагал тогда, что меня вышвырнут из НИИКСИ, но — оставили...

В моем понимании «шестидесятники» долго верили в возможность улучшения системы. В этом отношении ты от них отличался?

Детство — безоговорочная вера в СССР, Сталина и т.п. (я — пионер, комсомолец, + годы блокады, ненависть к фашистам, слава Красной Армии и т.п...). К концу школы (классы 9—10) я начал сомневаться. Появилось «удивление» проявлениями «культа личности». То не была моя ранняя «революционность»: я ведь удивлялся, веруя в Сталина... В хрущевскую «оттепель» недолгая надежда на изменения в связи с разоблачением культа и проглатывание появившихся зарубежных авторов, художественных выставок (ни одну не пропускал), посещение лекций возвращавшихся вейсманистов-морганистов и т.п. «чуждых» (помню лекции биолога Дмитрия

Георгиевича Кнорре, психолога Павла Васильевича Симонова и др.).

Далее — быстрое разочарование и все крепнущая уверенность «все ужасно, ничего нельзя изменить». К концу брежневско-андроповско-черненко-ского маразма: (а) увлеченность научной деятельностью, (б) понимание бредовости режима и его «использование» — исследования под «крышей» «социально-экономического планирования» и т.п. Поскольку я достаточно открыто и публично говорил, что во всем виновата советская власть («Софья Владимировна», помнишь?!), некоторые люди в моем окружении в какой-то момент серьезно опасались, что я провокатор — такую «антисоветчину» нес, что это мог себе позволить только гэбэшник... Потом они удивлялись: «Мы думали, ты шутишь, а все оказалось, как ты говорил».

Незадолго до прихода Горбачева я и мой тогдашний друг, рано умерший профессор философии Размик Месропович Айдинян (1940—2002) вели нескончаемые дискуссии. Он: «Все настолько развалено, что долго продолжаться не может. Еще год-два». Я: «Все развалено, но может длиться очень долго — народ пьет и безмолвствует, сил сопротивления нет. Рабский народ будет терпеть до бесконечности». По срокам Размик оказался прав, по отсутствию надежд на народ — я.

Перестройка пришла сверху, неожиданно-негаданно... Никаких надежд у меня не было задолго до перестройки. Более того, с радостью приняв перестройку, свободу слова, возможность печататься без эзопова языка, ездить за границу, я тогда и все последующее время говорил: это ненадолго. В этой стране ничего хорошего быть не может. Далее...опять: «Мы думали, ты шутишь, а оказывается...».

Я — шестидесятник по умунастроению, но я не шестидесятник по вере в возможность улучшить систему своими делами. Познавать и публиковать, говорить и писать «правду» (как я ее понимаю) — это мое. А результат — «как всегда» (бессмертный В. Черномырдин).

В твоём ответе меня заинтересовало то, что ты посещал лекции биологов, психологов. В чём дело? Биология мутаций, девиации...?

Нет, П.В. Симонова в свои работы по девиации я привлек позднее и довольно активно: в связи с классификацией потребностей и по поводу рассуждений о человеке и животном. Так же, как статьи Конрада Уоддингтона (1905—1975) и Рене Тома (1923—2002) по теоретической биологии. В «оттепель» же меня интересовали те, кто оказался «чуждым» в эпоху лысенковщины и борьбы с вейсманизмом-морганизмом. Здесь определенную роль сыграли и домашние разговоры с отцом — физиологом (который меня еще раньше — школьника — познакомил с академиком Леоном Абгаровичем Орбели (1882—1958), и том стенограммы печально известной «Павловской сессии», на которой и были разгромлены «враги». Точно также я читал материалы «Александровской дискуссии», когда А.А. Ждановым — «юнгой в философии» — была разгромлена многотомная «История философии» под ред. Г.Ф. Александрова и др.

Второй том этой Истории был моей настольной книгой в школе и сейчас у меня на полке перед глазами... Я ходил и на другие лекции по биологии, физике, астрономии, генетике...ходил слушать только что вернувшегося из мест отдаленных генетика Н.П.Дубинина (1907—1998), и боя выстраивал для себя Картину Мира... В годы «оттепели» я набрасывался на все, что было ранее недоступно... так что «внутреннее диссидентство» и «девианство» (какой неологизм!) давно и прочно сидели во мне.

Наше время

Не мог бы ты кратко сказать, где сейчас работаешь, каковы твои главные исследовательские проекты, где преподаешь?

Первого февраля этого года я передал бразды правления сектором социологии

девиантности и социального контроля Валентину Гольберту, Ph. D. Гамбургского университета и кандидату социологических наук — надо уступать дорогу молодым. Я — главный научный сотрудник Социологического института РАН и сохраняю статус директора полувиртуального Центра девиантологии, существующего на базе этого сектора, но объединяющего сотрудников, не только работающих в институте (Н. Бараева из Балтийского института экологии, политики, права, военные девиантологи, представители наркологических учреждений и др.). С августа 2004 г. я руковожу кафедрой уголовного права юридического факультета Российского государственного университета им. А.И. Герцена. Пока не все вошло в нужную колею, а потому много организационной работы. Десять лет я являюсь деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права. Это негосударственное учебное заведение, существует свыше 10 лет, и у меня здесь действует отлаженный механизм управления. Кроме того, я — профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. Здесь я читаю криминологию (сейчас — аспирантам), веду студенческий семинар по криминологии (на который ходят и преподаватели, и студенты других вузов) и вообще — отдыхаю душой. Родная уголовщина и очень сильная, дружная — большая редкость в современной России — кафедра. К тому же раз в год читаю курс девиантологии на «Факультете переподготовки специалистов по социологии и социальной работе» факультета социологии СПб ГУ. Это — для преподавателей социологии вузов России.

Исследовательских проектов много: «Пытки в России» (с охватом нескольких регионов); «Организованная преступность в Санкт-Петербурге: история и тенденции»; «Состояние бездомности в Санкт-Петербурге»; «Коррупция в России»; «Возможности активизации деятельности правозащитных организаций». Может, что и забыл...

Мои личные научные планы: глава о российской полиции для американской книги; статья о преступности в России для «Европейского журнала криминологии» (European Journal of Criminology). С одним из моих коллег пишу учебное пособие «Методика криминологического исследования» для прокурорских работников». Да, уже пора готовить доклады к очередным летним конференциям в Праге, Кракове, Риге...

Говоря с ученым, привычно спросить его о родительской семье, ибо это приоткрывает корни творчества. Выше я спрашивал тебя об этом. А что бы ты сказал мне о своей семье?

Моя семейная жизнь в ранней молодости была довольно бурная. Я женился первый раз... в 10 классе школы. От этого брака старшая дочь Татьяна — юрист, замужем, рисует картины (была персональная выставка), пишет стихи (выпущено два сборника с ее же иллюстрациями — 1997, 1999 гг.). С бывшей женой сохранили человеческие отношения, я время от времени ее навещаю.

Младшая дочь Галина — психолог, зам. начальника Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, подполковник милиции. Она талантливый психолог, и мне очень жаль, что ее сумасшедшая работа не оставляет время для диссертации, хотя эмпирического материала очень много и есть несколько публикаций. У нее двое детей, старшая, Аня, в этом году будет поступать на социологический факультет СПб ГУ. Может, продолжит мое дело.

Ну, и моя вторая и окончательная жена — Наташа, любовь моя, друг мой, надежный тыл, помощник, первый (и очень требовательный) читатель и критик всех моих работ. Физик-оптик по образованию и многолетней работе в одном из ВНИИ (есть публикации, авторские свидетельства), увлеклась моими темами. Мы вместе еще в конце 1970-х провели эмпирическое исследование, опрашивая клиентов медвытрезвителя. Вместе занимались суицидами (есть совместные публикации). Наташа разработала методику выявления степени рисков: криминального,

суицидального, алкогольного (на ее работу, проведенную два десятилетия назад, [17] до сих пор есть ссылки в криминологических диссертациях). А познакомились мы с Наташей в 1964 г. на высоте 3000 м в Горном Алтае... Спустились с гор и — на всю оставшуюся жизнь. Наташа из очень интересной семьи питерских архитекторов. О ее предках и родичах написаны книги. Но это — особый разговор.

Важнейшие члены нашей с Наташей семьи — кошки и собаки, в настоящее время одна собака и две кошки — наши родные и любимые дети.

Теперь вернусь к началу нашего интервью: ты сказал, что заполняешь 86-ю дневниковую книжку. Что рассказывают тебе дневники о тебе?

86 записных книжек — это не совсем дневники. Там смесь дневниковых записей, выписок из читаемого и размышлений. Сейчас перечитываю очень редко. К случаю. Но надеюсь, они станут основой моей Последней Книги с условным названием «Я в мире, мир во мне: Неоконченные мемуары...» Вряд ли когда-нибудь я это успею написать. Но — запланировано...

1. Гилинский Абрам Лазаревич. Род.1897, г.Двинск; чл.ВКП(б) с 1915, обр.низшее, нарком Пищепрома СССР. Арест. 24.06.1938. Приговорен ВКВС 26.02.1938, обвинение.: шпионаж, участие в к.-р. организации, вредительство. Расстрелян 26.02.1938. Реабилитирован 2.04.1955.
2. Гилинский Я. Онтологический трагизм бытия, или Размышления малицириста // Молодежь: Цифры, факты, мнения. 1995, №2—3. С.197—212 Статья воспроизведена в: Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб Юридический центр Пресс, 2004. С.71—87.
3. Гилинский Я. Тема смерти — тема жизни: Философия социологии // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Вып.5. СПб ГУ, 1995. С.112—114.
4. Гилинский Я.И.Некоторые проблемы криминологии в свете ленинских идей. В кн.: В.И. Ленин — выдающийся государственный деятель и юрист. Ленинград: ЛОКА, 1970.
5. Гилинский Я.И. «Отклоняющееся поведение» как социальное явления. В: Человек и общество. 1971, Вып. VIII . ЛГУ. С.113—118; Гилинский Я.И. Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения». В: Преступность и ее предупреждение. 1971. ЛГУ. С.95—103.
6. Результаты, в меру цензурных возможностей, были опубликованы в: Человек как объект социологического исследования / ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гилинский. ЛГУ, 1977.
7. Честнов И.Л. Лев Иванович Спиридонов: жизнь и творчество. В: Спиридонов Л.И. Избранные произведения: Философия и теория права, социология уголовного права, криминология. СПб: 2002; Гилинский Я.И. Л.И. Спиридонов — криминолог. Там же.
8. «В НИИКСИ сложился очень сильный творческий коллектив единомышленников — Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, Д.А. Керимов, Р.А. Полозов, В.А. Ядов, А.С. Пашков, Е.С. Кузьмин, П.Н. Лебедев, М.Н. Межевич, Я.И. Гилинский и др. — общение с которыми определило круг интересов и его (Л.И. Спиридонова) верность социологическому (диалектико-социологическому) методу исследования» Честнов И.Л. Лев Иванович Спиридонов: жизнь и творчество. Указ. соч. С.4.
9. Гилинский Я.И. Л.И. Спиридонов — криминолог. Указ.соч.
10. Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002.

11. Спиридонов Л.И. Указ. соч., С. 25.
12. Там же, С. 29.
13. Человек и общество; Социализация индивида. Вып. IX . ЛГУ, 1971.
14. Организованная преступность в России: теория и реальность / ред. Я. Гилинский. СПб Ф ИС РАН, 1996.
15. Christie N. A Suitable amount of Crime. Routledge, 2004 открывается главой «Преступления не существует».
16. Звирбуль В.К. Проблема преступности в свете борьбы социалистической и буржуазной идеологии. В: Вопросы борьбы с преступностью. Труды ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР. М., 1973. Вып.23. С. 3–14.
17. Проскурнина Н.Н. Использование в криминологических исследованиях классификации социально-демографических групп населения. В: Теоретические проблемы изучения территориальных различий преступности. Труды по криминологии. Тартуский гос. университет 1985. Вып. №725. С. 84–91.